

18+

Ольга Кондратьева
Наталья Фомина

Позывной «Галка»

**Наталья Фомина
Ольга Кондратьева
Позывной «Галка»**

<https://litres.ru/74149694>

ISBN 9785007003513

Аннотация

«Семнадцатилетняя Галя Левина мечтала стать учительницей, но война изменила её судьбу навсегда. Из мирного Рогачёва она попадает в эпицентр военных событий, где становится радисткой под позывным „Галка“. На основе реальных документов и писем книга рассказывает о мужестве и стойкости девушки-связистки, чей подвиг помог приблизить победу. Роман — дань памяти всем женщинам-военным связистам».

Содержание

ПРОЛОГ. Там, где начинается память	5
ГЛАВА 1. Июньские грёзы. Время надежд	8
ГЛАВА 2. Тот самый день	15
ГЛАВА 3. Дорога на восток	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Позывной «Галка»

Ольга Кондратьева
Наталья Фомина

© Ольга Кондратьева, 2026

© Наталья Фомина, 2026

ISBN 978-5-0070-0351-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Кондратьева

Наталья Фомина

Посвящается Галине Семёновне Левиной

и всем девушкам-связисткам.

Их подвиг навсегда в наших сердцах.

ПРОЛОГ. Там, где начинается память

Ступино, Московская область. Наши дни.

Папка пролежала на антресолях четырнадцать лет.

Наталья знает это точно, потому что мама умерла четырнадцать лет назад. Тогда, разбирая шкаф, она сунула папку наверх и сказала: «Разбери потом. Это всё, что осталось от бабушки».

«Потом» наступило сегодня.

Не потому, что Наталья наконец собралась. Утром она лезет за ёлочными игрушками — декабрь всё-таки — и вместо них нащупывает картонную папку, перетянутую резинкой. Резинка за эти годы превратилась в липкую серую вермишель. Она крошится в пальцах, когда Наталья начинает стягивать её.

— Чёрт, — произносит она вслух. Сдувает резиновую труху с кухонного стола.

Сидит минуту. Потом открывает.

Бумага начинает шуршать — ворчливо, будто не хочет, чтобы её тревожили. Внутри лежат пожелтевшие листы с выцветшими печатями, копия наградного листа, сложенная вчетверо. И фотография.

Наталья берет её — сердце ёкает и замирает.

Девушка в военной форме смотрит в упор. Погоны старшего сержанта, две тугие косы перекинута на грудь. На поясе — планшет. Гимнастёрка без орденов, но с пустыми петлицами, будто только-только пришила. Улыбается чуть-чуть, одними глазами.

Так улыбаются люди, которые знают что-то важное, но не рассказывают об этом.

— Бабушка, — выдохнула Наталья.

Бабушка умерла, когда Наташе не исполнилось трёх. Осталось только это фото.

Она берет наградной лист. Пальцы дрожат — она заставляет их успокоиться, зажимает край бумаги покрепче.

«Левина Галина Семёновна, гвардии старший сержант, радистка 50-й гвардейской стрелковой дивизии...»

Дальше — сухие казённые слова: «за образцовое выполнение заданий командования... проявленные доблесть и мужество... награждается орденом Красной Звезды».

Орденом. В двадцать лет? Или раньше? В наградном листе даты нет.

Наталья отложила лист, взяла справку о демобилизации:

«Демобилизована в конце 1944 года по состоянию здоровья (инвалидность III группы)»

В конце 1944-го. Война ещё шла, а бабушку уже комиссовали. В двадцать лет — инвалидность.

Наталья закрыла глаза. Представила: девчонка с косичками, та, что смотрит с фотографии, только-только начала

жить. А война уже забрала у неё здоровье. Но она никогда не жаловалась. Ни разу. Мама рассказывала: если спрашивали про войну — бабушка отмалчивалась или переводила разговор.

— Бабушка, какой же ты была? Как ты воевала?

Тишина. Только бумага шуршит, когда Наталья переворачивает справку.

Она снова смотрит на фотографию. Всматривается в молодое лицо — серьёзное, чуть усталое, с едва заметной складкой между бровей. И вдруг понимает: она почти ничего не знает о ней. Родители умерли. Спросить уже не у кого. Осталась только эта папка.

— Ничего, — говорит она вслух. Голос звучит твёрже, чем она ожидала. — Я теперь сама всё узнаю.

Берёт чистый лист, ручку. Смотрит на фотографию, на пожелтевшие документы. И выводит сверху два слова:

«Позывной «Галка»

Откуда это пришло в голову? Может, слышала когда-то от мамы. Может, само из памяти вынырнуло. Но чувствует: это важно. Это ключ к разгадке.

Наталья переворачивает лист и начинает записывать — по документам, по обрывкам воспоминаний, по тем немногим рассказам, что сохранила семья.

Ей предстоит долгий путь, к которому она готова.

ГЛАВА 1. Июньские грёзы. Время надежд

Июнь 1941 года. Рогачёв, Белоруссия

На мокрых от росы босоножках оставалась свежескошенная трава.

Галя шла по улице Ленина и всё время смотрела себе под ноги. Но не потому, что боялась в лужу вляпаться. Просто ей нравилось, как мягкая трава ощущается под каблуком и оставляют на подошве такой липкий, душистый след.

Тяжесть коричневого кожаного портфеля, привезённого отцом из самого Могилёва, ощутимо давила на руку. «С таким и в институт не стыдно будет», — напутствовал он. Галя нежно касалась его поверхности, ощущая тепло, впитанное солнцем, и мелкие, будто родные, царапины, которые лишь добавляли ему характера.

Воздух, проникающий из открытого окна напротив, был наполнен дразнящими нотками жареного лука и тёплого, только что испечённого хлеба. Это Хаим-булочник закончил свою утреннюю выпечку, и облако его ароматного творения растекалось по улице, переплетаясь с душистым облаком левкоев, исходящим из чьего-то палисадника. У ларька с квасом слышался залиvistый звон монеток, которыми мальчишки азартно играли, и этот звук отдавался эхом над мо-

стовой. Грохот проезжающей телеги, груженной сеном, поднял в воздух золотистую пыль, заставив Галю на мгновение прикрыть глаза.

Внутри неё царила полная гармония, спокойная и необъятная, как сам Днепр, когда он неспешно изгибается за лугом, и его воды, отражая солнце, сияют ослепительным светом.

Семнадцать лет. Весь её мир помещался в этом маленьком городке, где каждый камень был знаком с детства. Где старухи в тёмных платках сидели на скамейках у подъездов, перебирали семечки и обсуждали, чья дочь за кого вышла замуж. Где лошади цокали по брусчатке, а пацаны в галифе без ремней носились по улицам с деревянными винтовками.

Галя улыбнулась своим мыслям и замедлила шаг. В кармане платья лежала справка из пединститута, где было написано, что Левина Галина Сёменовна принята на очное отделение. Она уже представила, как скажет маме, как отец молча кивнёт и только потом, вечером, скажет соседу через забор: «Моя-то Галка — умница. В институт поступила».

— Галь! Галя, стой!

Из подъезда вылетела Вера. Взлохмаченная, в кофте, застёгнутой на две пуговицы. Лицо покраснелось, на подбородке белел след от простокваши — видно, только что доела завтрак и выбежала, не успев вытереться.

— Ну?! — Вера вцепилась ей в локоть. Пальцы у неё были липкие и тёплые. — Чего сказали в пединституте? Взяли?

Галя хотела ответить степенно, как взрослая. Но вместо этого улыбнулась — широко, во весь рот — и вытащила из кармана справку.

— Ой, Галка! — Вера выхватила бумажку, прочитала, хотя там было написано одно слово «зачислена», и повисла у неё на шее. — Будешь учительницей! Я же говорила! Я всегда тебе говорила!

— Ты говорила, что я пойду на фабрику, как ты.

— Мало ли что я говорила. — Вера махнула рукой в сторону фабричных труб, откуда тянуло гарью. — Всё равно замуж скоро.

— Рано тебе замуж ещё. Кто возьмёт-то?

— Кому рано, а кому в самый раз. — Вера вытащила заколку, поправила волосы и снова воткнула её на место. — Вон, Танька Козлова уже на третьем месяце. А ей только девятнадцать.

Они рассмеялись. Громко, на всю улицу. Старуха у подъезда поджала губы и демонстративно отвернулась.

Солнце стояло высоко, тени короткие, почти незаметные. Галя вдруг поймала себя на мысли, что запоминает это утро. Каждую мелочь: запах пыли и левкоев, Верины волосы, выбившиеся из косынки, голос продавщицы, ругающейся с покупателем за углом. Зачем запоминает? Сама не знала. Просто чувствовала: это важно. Будто предчувствовала — такого утра больше не будет.

— Слушай, — Вера вдруг стала серьёзной, опустила го-

лос. — Ты слышала, что по радио говорят? Про Германию?
— Слышала, — тихо ответила Галя. — Но не начнут же? Только отвоевали...

— Дай-то бог, — перекрестилась Вера. — Ладно, побегу. Мать убьёт, что у меня молоко убежало.

Она чмокнула Галю в щёку и умчалась, на ходу застёгивая кофту.

Галя продолжила свой путь к дому — скромной деревянной избе на окраине, окруженной невысоким дощатым забором. За ним раскинулся сад из старых яблонь, посаженных отцом в год её рождения.

Он рассказывал, что каждая яблоня — это год её жизни, и самая корявая, крайняя, была посажена в тот день, когда она впервые сказала «папа».

Сейчас, в начале июня, эти деревья, когда-то посаженные с такой трепетной любовью, налились маленькими яблочками, склоняя ветви до земли. Галя толкнула калитку, которая, как всегда, издала противный скрип, и вошла во двор.

Отец сидел на лавке у крыльца. Чинил сбрую. Пальцы у него были толстые, с мозолями, которые никогда не проходили. Но двигались привычно, ловко.

— Ну, — спросил он, не поднимая головы. — Как в институте?

— Взяли, пап.

Семён поднял глаза. Серые, с мелкими лучиками морщин в уголках. У Гали были такие же.

Он пристально посмотрел на неё, вздохнул и кивнул.

— Молодец, — сказал просто. Помолчал, потом добавил:

— Умная ты у меня Галка. Вся в мать.

Галя хотела что-то ответить, но в горле вдруг запершило. Она быстро отвернулась, сделала вид, что поправляет косянку. Отец заметил, но ничего не сказал. Только положил сумку, встал, подошёл и молча положил руку ей на плечо.

Он так умел без слов всё сказать. Встанет рядом, руку положит и на душе становится спокойно. Будто ничего плохого не может случиться, пока он рядом.

Из дома вышла мать — маленькая, шустрая, с вечно мокрыми руками. Вытерла их о фартук.

— Галя, пошли обедать. Борщ остынет.

— Сейчас, мама.

Галя подошла к ближайшей яблоне. Провела ладонью по стволу.

— Галка! — позвала мать уже громче. — Иди есть, кому говорю!

Галя обернулась. Вдохнула глубоко, полной грудью, будто хотела надышаться этим воздухом на много дней вперёд. Запах яблонь ударил в голову — сладкий, густой, почти припорошенный.

— Иду, мам.

За обедом отец сказал:

— На станции вчера эшелон с войсками прошёл. На запад. Мать замерла с ложкой, так и не донеся борщ до рта. От-

ложила ложку.

— К чему бы это?

— Не знаю. — Отец нахмурился, постучал пальцами по столу. — Может, учения. А может...

Не договорил.

Галя посмотрела на мать, потом на отца. И вдруг почувствовала, как у неё пересохло во рту. Язык прилип к нёбу. Попыталась сглотнуть — не получилось.

— Пап, а если война? Мы же на границе...

— Не каркай, — резко оборвал Семён. — Обойдётся.

Отец вышел на крыльцо покурить, отвернувшись от дома, он смотрел на запад. Галя, наблюдая из окна, увидела его сгорбленные плечи. Необъяснимый страх, поднимающийся откуда-то изнутри, охватил ее. Это было ощущение пустоты в животе и сердце, бьющееся в горле.

Она подошла к матери, прижалась к ее теплому плечу.

— Мам, а если это правда?

Мать обняла её, погладила по волосам. Руки у неё слегка дрожали.

— Не думай, Галка. Не надо. Живи сегодняшним днём.

— А завтра?

— Завтра видно будет.

Галя кивнула. Вышла во двор, села на лавку.

В доме тихо играло радио. Какой-то далёкий, чужой голос говорил о мире, о хлебе, о погоде.

Галя закрыла глаза и представила себя учительницей. Как

она стоит у доски, в руке указка и объясняет детям глаголы или историю. А они слушают, раскрыв рты. В классе звенящая тишина, только слышен скрип мела на доске.

Открыла глаза.

Посмотрела на запад, где за горизонтом уже сгущались тучи.

— Не будет войны, — сказала она вслух. — Не может быть.

ГЛАВА 2. Тот самый день

22 июня 1941 года. Рогачёв, Белоруссия

Она проснулась от крика.

Сначала показалось — сон. Тревожный сон, когда бежишь и не можешь сдвинуться с места, когда хочешь закричать — и не можешь открыть рот. Галя лежала, вцепившись в край одеяла, пытаясь понять, где она. Дома. В своей кровати. За окном ещё темно.

Крик повторился. С улицы. Незнакомый голос, сорванный, почти истеричный:

— Война! Война, люди! Немцы напали на нас!

Сердце заколотилось. Галя села, не понимая, что делает. Ноги сами опустились на холодный пол. В комнату вбежала мать — бледная, с трясущимися руками, в наспех накинутом халате. Волосы растрёпаны, лицо серое, будто постарела за одну ночь.

— Одевайся, дочка. Быстро.

— Мам, что там?

Мать не ответила. Схватила её за плечи, притянула к себе на секунду — крепко, почти больно. Отпустила.

— Война, Галя. Война.

Галина не поверила. Не могла поверить. Выскочила на крыльцо босиком, в одной ночной рубашке. Волосы рассыпались по плечам. Утренний холод обжёг ноги, но она ниче-

го не чувствовала.

Улица уже была заполнена людьми. Слышались рыдания, кто-то стоял в безмолвном отчаянии, прижимая к себе детей. Мужчина в галифе, без гимнастерки — явно выскочивший из постели, — издавал хриплый, надрывный крик, который пытался заглушить общий гомон.

— Война! По радио передали! Молотов выступал!

Женщины крестились, держали детей за руки. Старуха из соседнего дома, тётя Паша, упала на колени прямо в пыль и завывала:

— Господи, спаси и сохрани! Господи, помилуй!

Галя стояла на крыльце, вцепившись в перила. Пальцы побелели. Смотрела на всё и не могла пошевелиться. Внутри всё сжалось в ком. Ждала, что сейчас кто-то выйдет и скажет: «Это ошибка. Не волнуйтесь».

Но никто не вышел.

Она подняла голову к небу, которое было синим, совершенно чистым и мирным.

Сзади подошла мать, накинула ей на плечи платок.

— Замёрзнешь, — сказала она чужим, безжизненным голосом. — Иди в дом.

— Мам, это правда? — Галина повернулась к ней. — Правда война?

Мать ответила не сразу. Смотрела на запад, туда, где над горизонтом поднималась чёрная густая пелена. Горело что-то большое, может, склады, а может, нефтебаза. Галя видела

ЭТОТ ДЫМ И НЕ МОГЛА ОТВЕСТИ ВЗГЛЯД.

— Правда, — сказала мать тихо. — Я не поверила. Пошла к соседке, у них радио. Как раз Молотов выступал. Сказал — война.

Галя почувствовала, как земля уходит из-под ног. Вспомнила вчерашний разговор за ужином, об эшелоне, направляющимся на запад. Отец, который смотрел в тарелку и не поднимал глаз. Мама, которая медленно жевала хлеб, будто не хотела, чтобы обед заканчивался.

Они знали. Или чувствовали. И она чувствовала — но отогнала страх, прятала так глубоко, но сейчас он вырвался наружу с новой силой.

Война. Это не учения, не провокации, не слухи. Война.

Отчётливо поняла: всё, что было вчера — лето, институт, Вера с её планами на замужество, — всё кончилось. Прямо сейчас. В эту секунду.

Первым, что всплыло в сознании, были яблони в саду. Кто их будет поливать, если все уйдут? Кто соберёт урожай? Мысль была глупой, нелепой. Но Галя держалась за неё, как утопающий за соломинку.

Мать взяла её за руку и повела в дом.

— Одевайся, — повторила она. — Помоги мне собрать документы.

В доме было темно и тихо. Галя натянула платье, потом сняла, надела другое. Руки не слушались её, никак не могла попасть в рукава, и это бесило до слёз.

— Не спеши, — сказала мать. — Успеем.

— Куда успеем мама?

— Не знаю. Куда скажут.

Из сеней в комнату вошёл отец. Он был уже одет в старую гимнастёрку со времён гражданской, которая сидела на нём мешком. Лицо напряженное.

— Военкомат прислал вестового, — сказал он. — Велели ждать повестку. Я в списках мобилизованных.

Мать закрыла лицо руками. Не заплакала — просто закрыла, будто хотела спрятаться от этих слов.

— Чего ждать? — голос отца сорвался, стал злым, чужим. Он ударил ладонью по столу, так что подпрыгнула солонка. — Война уже здесь!

Прошёлся по комнате, и Галя заметила, как он хромает. Сказывалась старая травма, с той войны. Сейчас он казался ей старым. Хотя ему только сорок пять.

— Сёма, — мать подошла, положила руку на плечо. — Тише. Дочка в комнате.

Семён посмотрел на дверь, за которой стояла Галя. Остановился. Вздохнул тяжело, со свистом.

— Иди спать, Галя, — сказал устало. — Завтра рано вставать.

— Зачем? — спросила она, выходя из-за двери.

— Собираться. Надо быть готовыми.

Ночью она не спала.

Лежала на кровати, смотрела в потолок. За стеной всхли-

пывала мать. Отец молчал, только слышно было, как он ворочается на скрипучей кровати. Скрип такой знакомый, домашний, что Галя закрыла глаза и попыталась представить: это обычная ночь. Завтра она проснётся, и всё будет как вчера.

Заснуть не получалось.

Думала о том, что будет завтра. Послезавтра. Через неделю. Каждый раз, когда пыталась представить будущее, видела одно и то же: танки на улицах, солдаты в чужой форме. Крики. Выстрелы. Её город, её Рогачёв становится чужим.

Что я буду делать? Что я вообще могу?

Семнадцать лет. Умела писать, считать, говорить по-немецки в рамках школьной программы. Умела печь пироги, полоть грядки, заплетать косы.

Но совсем не умела воевать.

Галя села на кровати, обхватила колени руками. В ушах всё ещё стоял тот крик: *«Война! Война, люди!»*

Где-то там, на западе, гудели моторы. Она не слышала их, но знала — уже недалеко.

Встала, подошла к окну. Тишина. Небо тёмное, звёздное.

Но тишина обманчива. Где-то за горизонтом тяжелой свинцовой тучей уже шла война. И шла она неумолимо сюда.

— Господи, — прошептала в темноту. — Господи, помоги.

Галя не была верующей. Комсомолка. Вступила в прошлом году, как и все в классе. Но в эту ночь молилась. Сама

не зная кому. Сама не зная о чём. Просто шептала в темноту, пока губы не пересохли, а щёки не стали мокрыми от слёз.

Утром вышла во двор. Небо синее — такое же, как вчера. Забор, крыльцо, дорога — всё как вчера.

Но всё было по-другому.

Стояла, смотрела на запад и ждала.

А яблони шумели листвой. Галя смотрела на них и вдруг поняла: они будут цвести, плодоносить и дальше. Сейчас, завтра, через неделю. Даже если придут чужие. Даже если всё рухнет.

ГЛАВА 3. Дорога на восток

Июль — сентябрь 1941 года. Могилёв — запасной полк

После того утра, когда радио принесло страшную весть, дни потянулись длинные, тревожные, непохожие один на другой.

Отец каждое утро уходил на станцию и возвращался поздно вечером усталый, злой, с неизменным: «Пока не берут. Железная дорога нужнее».

Мать молча накрывала на стол, и они ели в тишине, прислушиваясь к гулу с запада. С каждым днём он становился ближе.

Галя не находила себе места. Пыталась помогать по хозяйству, но руки не слушались — всё валилось из них. Ловила себя на том, что подолгу стоит у калитки, глядя вдаль, и не может оторваться.

— Чего стоишь? — окликала мать. — Иди делом займись.

Но дел не было. Точнее, они были, но Галя не могла за них взяться. Всё казалось ненужным, временным, будто они уже не живут здесь, а только ждут, когда придётся уходить.

Вечером отец вернулся раньше обычного. Галя слышала его шаги ещё на улице — быстрые, тяжёлые. Он вошёл, не снимая сапог, и сказал:

— Собирайтесь. Завтра утром уезжаете.

Мать выронила ложку.

— Куда?

— На восток. Договорился на станции, дадут место в эшелоне. — Он посмотрел на Галю. — Берите самое нужное. Документы, деньги, хлеб. Всё остальное...

Махнул рукой и не договорил.

Ночь не спали. Собирали узлы, перебирали вещи, откладывали то, что можно взять с собой, и оставляли то, что придётся бросить. Мать плакала над каждой тряпкой. Отец молчал, только курил одну за другой.

Галя сидела на своей кровати, сжимая портфель — тот самый, выпускной подарок отца. Уже вынула из него всё, что носила раньше, и сложила самое важное: справку из института, комсомольский билет, фотографию родителей.

Смотрела на свои вещи — платья, книги, тетради — и не могла поверить: всё это останется здесь. Она, может быть, никогда этого не увидит.

Утром вышли из дома. У калитки отец запрягал лошадь в телегу. Мать заперла дверь, повернула ключ, потом снова открыла, вошла, оглядела комнаты. Вышла, вытирая глаза.

— Всё, — сказал он. — Пора вам.

Уже собрались садиться в телегу, когда со стороны станции прибежал соседский парень — запыхавшийся, бледный.

— Дядя Семён! Эшелон разбомбили! С утра налёт был! Пути разбиты!

Отец замер. Глянул на мать, на Галю. Потом медленно опустился на лавку.

— Значит пока остаётесь, — сказал глухо.

— Сёма, — мать подошла к нему. — Может, пешком?

— Куда пешком? С твоими ногами? — Он махнул рукой.

— Нет. Остаётесь.

Галя смотрела на отца и видела, как он сдался. Впервые в жизни. Её сильный, надёжный отец, который мог починить всё, что ломалось в доме, который никогда не жаловался на усталость, — сейчас сидел на лавке, опустив плечи, и смотрел в землю.

Подошла, села рядом.

— Пап, а если они придут?

— Если придут — будем жить при них, — ответил, не поднимая глаз. — Ничего не поделаешь.

Эти дни до 3 июля были самыми длинными в её жизни.

Сидели в доме, занавесив окна, и ждали. Каждый стук, каждый голос на улице заставлял вздрагивать. Мать молилась. Отец молчал. Галя не находила себе места.

Выходила в сад, садилась под яблоней и смотрела на небо. Оно по-прежнему синее, чистое. Но по ночам запад полыхал заревом.

Рано утром Галя проснулась от гула.

Он был другим, не таким как раньше. Близким, тяжёлым — от него дрожали стёкла в окнах.

Выбежала на крыльцо — и замерла.

По главной улице шли танки. Серые, с чёрными крестами на бортах. За ними двигались мотоциклы, бронетранспор-

тёры, солдаты в форме мышиноного цвета. Двигались быстро, уверенно, как хозяйева.

Галя смотрела и не могла отвести взгляд. Каждый танк, каждая машина въезжали в её город, в её улицу, в её жизнь. Вспомнила, как три дня назад они собирались уезжать. Как надеялись успеть. Не успели.

Рядом всхлипнула мать. Галя даже не заметила, как та вышла следом.

— Папа... — прошептала Галина.

Семён стоял на крыльце, чуть позади. Молчал. Только кулаки сжимались и разжимались. Галя смотрела на его руки — большие, натруженные, в мозолях.

— Уходим, — сказал он жене глухо. — Собирайте вещи. Только самое нужное.

— Сейчас? — мать схватила его за руку. — Они же уже здесь...

— Через час здесь будут обыски, — Семён повернулся к ней. — Слышишь? Через час. Пока они идут по главной, у нас есть время уйти через огороды.

Мать заметалась по дому. Хватала икону, документы, краюху хлеба. Галя стояла посреди комнаты и не могла пошевелиться. Ноги стали ватными.

— Галя! — отец схватил её за плечи, встряхнул. — Бегом!

Выскочила во двор. Танки всё ещё шли по улице. Гул стоял такой, что, казалось, воздух дрожит. Один из танков остановился прямо напротив их калитки. Галя замерла, прижав-

шись к стене дома. Из люка высунулся немец, равнодушно огляделся, что-то крикнул своим. Танк дёрнулся и поехал дальше.

— Живо! — отец схватил её за руку, потащил к задней калитке.

Выбрались за огороды, побежали к лесу, что темнел в полукилометре от окраины. Галя бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о грядки. В руке сжимала портфель.

Отец вёл их огородами, переулками, знакомыми с детства тропинками. Вышли к просёлку, где уже толпились люди. Телеги, узлы, детский плач.

Семён огляделся, нашёл глазами телегу с лошадьё, знакомого возницу.

— Довезёшь до Могилёва?

— Садитесь, — махнул рукой мужик.

Забрались в телегу, тесно прижавшись друг к другу. Галя оглянулась назад. Где-то там, за крышами, остался её дом. Город уменьшался, утопая в дыму.

— Не смотри, — сказала мать тихо. — Не надо.

Но Галя смотрела. Пока город не скрылся за поворотом. Дорога на восток была забита.

Тысячи людей шли пешком, на телегах, на грузовиках. Женщины с детьми на руках, старики с узлами за спиной. Галя смотрела на них и думала об одном: вернутся ли они когда-нибудь обратно?

Мать нашла угол в чужом доме на окраине Могилёва.

Отец устроился работать на железную дорогу — его опыт пригодился. Галя помогала по хозяйству, но всё чаще ловила себя на мысли, что не может больше сидеть сложа руки.

Она пришла в военкомат через две недели.

Нашла сама — спросила у соседки. Надела чистое платье, то самое, в горошек. Причесалась, заплела косы. Пошла. Матери сказала, что идёт за хлебом.

Военкомат оказался в старом деревянном здании на окраине города. На крыльце — очередь. Мужчины, женщины, старики. Кто-то с повесткой, кто-то — как она, добровольцами.

Встала в конец очереди. Ждала долго, часа два. Солнце пекло нещадно, платье прилипало к спине. Но Галя не уходила.

Наконец ее пустили внутрь.

В кабинете сидел усатый капитан с усталыми глазами. На столе — горы бумаг, телефон, портрет Сталина на стене. Капитан поднял голову, посмотрел на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.